

ГЛАВА VII.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ.

Незванный гость хуже Татарина.

Пословица.

Площадь опустѣла. Я все стоялъ на одномъ мѣстѣ, и не могъ привести въ порядокъ мысли, смущенныя столь ужасными впечатлѣнiями.

Неизвѣстность о судьбѣ Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Гдѣ она? что съ нею? успѣла ли спрятаться? надежно ли ея убѣжище?... Полный тревожными мыслями, я вошелъ въ комендантскій домъ... Все было пусто; стулья, столы,

сундуки были переломаны; посуда перебита; все растаскано. Я взбѣжалъ по маленькой лѣстницѣ, которая вела въ свѣтлицу, и въ первый разъ отроду вошелъ въ комнату Марьи Ивановны. Я увидѣлъ ея постелю, перерытую разбойниками; шкафъ былъ разломанъ и ограбленъ; лампадка теплилась еще передъ опустѣлымъ кивотомъ. Уцѣлѣло и зеркальцо, висѣвшее въ простѣнкѣ.... Гдѣ жъ была хозяйка этой смиренной, дѣвической кельи? Страшная мысль мелькнула въ умѣ моемъ: я вообразилъ ее въ рукахъ у разбойниковъ.... Сердце мое сжалось.... Я горько, горько заплакалъ, и громко произнесъ имя моей любезной.... Въ эту минуту слышался легкій шумъ, и изъ-за шкапа явилась Палаша, блѣдная и трепещущая.

«Ахъ, Петръ Андреичъ!»—сказала она, сплеснувъ руками. «Какой денёкъ! какія страсти!»...

А Марья Ивановна? — спросилъ я нетерпѣливо. Что Марья Ивановна?

«Барышня жива»—отвѣчала Палаша. «Она спрягана у Акулины Памфиловны.»

—У попадьи! — вскричалъ я съ ужасомъ. Боже мой! да тамъ Пугачевъ!...

Я бросился вонъ изъ комнаты, мигомъ очутился на улицѣ и опрометью побѣжалъ въ домъ священника, ничего не видя и не чувствуя. Тамъ раздава-

лись крики, хохотъ и пѣсни . . . Пугачевъ пировалъ съ своими товарищами. Палаша прибѣжала туда же за мною. Я подослалъ ее вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Черезъ минуту попадья вышла ко мнѣ въ сѣни съ пустымъ штофомъ въ рукахъ.

— Ради Бога! гдѣ Марья Ивановна? — спросилъ я съ неизъяснимымъ волненіемъ.

«Лежить, моя голубушка, у меня на кровати, тамъ за перегородкою» — отвѣчала попадья. «Ну, Петръ Андреичъ, чуть-было не стряслась бѣда, да слава Богу, все прошло благополучно: злодѣй только-что усѣлся обѣдать, какъ она моя бѣдняжка очнется да застонетъ! . . . Я такъ и обмерла. Онъ услышалъ: «А кто это у тебя охаетъ, старуха?» Я вору въ носъ: племянница моя, Государь; захворала, лежитъ, вотъ ужъ другая недѣля. — «А молода твоя племянница?» — Молода, Государь. — «А покажи-ка мнѣ, старуха, свою племянницу.» — У меня сердце такъ и йокнуло, да нечего было дѣлать. — Изволь, Государь; только дѣвка-то не сможетъ встать и придти къ твоей милости. — «Ничего, старуха, я и самъ пойду погляжу.» И вѣдь пошелъ окаянный за перегородку; какъ ты думаешь! вѣдь отдернулъ занавѣсъ, взглянулъ ястребиными своими глазами — и ничего . . . Богъ вынесъ! А вѣришь ли, я и батька мой такъ ужъ и приготовились къ мученической смерти. Къ счастью, она моя голубушка не узнала его. Господи Владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бѣдный Иванъ Кузмичъ! кто бы подумалъ! . . .

А Василиса-то Егоровна? А Иванъ-то Игнатьичъ? Его-то за что? . . . Какъ это васъ пощадилъ? А какъ Швабрицъ, Алексѣй Иванычъ? Вѣдь остригся въ кружокъ и теперь у насъ тутъ же съ ними пируеть! Проворенъ, нечего сказать! А какъ сказала я про больную племянницу, такъ онъ, вѣришь ли, такъ взглянулъ на меня, какъ-бы ножемъ насквозь; однако не выдѣлъ, спасибо ему и за то. — Въ эту минуту раздались пьяные крики гостей и голось отца Герасима. Гости требовали вина, хозяинъ кликалъ сожительницу. Попадья расхлопоталась. «Ступайте себѣ домой, Петръ Андреичъ» сказала она; «теперь не до васъ; у злодѣевъ попойка идетъ. Бѣда, попадетесь подъ пьяную руку. Прощайте, Петръ Андреичъ. Чтó будетъ, то будетъ; авось Богъ не оставитъ!»

Попадья ушла. Нѣсколько уснокоенный, я отправился къ себѣ на квартиру. Проходя мимо площади, я увидѣлъ нѣсколько Башкирцевъ, которые тѣснились около висѣлицы и стаскивали сапоги съ повѣшенныхъ; съ трудомъ удержалъ я порывъ негодованія, чувствуя бесполезность заступленія. По крѣпости бѣгали разбойники, грабя офицерскіе дома. Вездѣ раздавались крики пьянствующихъ млтежниковъ. Я пришелъ домой. Савельичъ встрѣтилъ меня у порога. «Слава Богу!» вскричалъ онъ увидя меня. Я было думалъ, что злодѣи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петръ Андреичъ! вѣришь ли? все у насъ разграбили, мошенники: платье, бѣлье, вещи, посуду—ничего не оставили. Да что ужъ! Слава Бо-

*

гу, что тебя живаго отпустили! А узналъ ли ты, сударь, атамана?»

—Нѣтъ, не узналъ; а кто жь онъ такой?

«Какъ, батюшка? Ты и позабылъ того пьяницу, который выманилъ у тебя тулупъ на постояломъ дворѣ? Залчій тулупчикъ совсѣмъ новёшенькій; а онъ, бестія, его такъ и распоролъ, напаяливая на себя!»

Я изумился. Въ самомъ дѣлѣ сходство Пугачева съ моимъ вожатымъ было разительно. Я удостовѣрился, что Пугачевъ и онъ были одно и то же лице, и повялъ тогда причину пощады, мнѣ оказанной. Я не могъ не подивиться странному сдѣленію обстоятельство: дѣтскій тулупъ, подаренный бродягъ, избавлялъ меня отъ петли, и пьяница, шатавшійся по постоялымъ дворамъ, осаждалъ крѣпости и потрясалъ государствомъ!

«Не изволишь ли покушать?» спросилъ Савельичъ, неизмѣнный въ своихъ привычкахъ. «Дома ничего нѣтъ; пойду, пошарю, да чтонибудь тебѣ изготворю.»

Оставшись одинъ, я погрузился въ размышленія. Что мнѣ было дѣлать? Остаться въ крѣпости подвластной злодѣю, или слѣдовать за его шайкою, было неприлично офицеру. Долгъ требовалъ, чтобъ я явился туда, гдѣ служба моя могла еще быть полезна отечеству въ настоящихъ, затруднитель-

ныхъ обстоятельствахъ. . . Но любовь сильно совѣтовала мнѣ оставаться при Марьѣ Ивановнѣ и быть ей защитникомъ и покровителемъ. Хотя я и предвидѣлъ скорую и несомнѣнную перемѣну въ обстоятельствахъ, но все же не могъ не трепетать, воображая опасность ея положенія.

Размышленія мои были прерваны приходомъ одного изъ казаковъ, который прибѣжалъ съ объявленіемъ, «что-де Великій Государь требуетъ тебя къ себѣ.»—Гдѣ же онъ?—спросилъ я, готовясь повиноваться.

« Въ комендантскомъ » отвѣчалъ казакъ. «Послѣ обѣда батюшка нашъ отправился въ баню, а теперь отдыхаетъ. Ну, ваше благородіе, по всему видно, что персона знатная: за обѣдомъ скушать изволилъ двухъ жареныхъ поросятъ, а пѣрится такъ жарко, что и Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Ѳомкѣ Бикбаеву, да на силу холодной водой откачался. Нечего сказать: всѣ приемы такіе важные. . . А въ банѣ, слышно, показывалъ царскіе свои знаки на грудяхъ: на одной двуглавый орелъ, величиною съ пятакъ, а на другой персона его.»

Я не почелъ нужнымъ оспаривать мнѣвія казака, и съ нимъ вмѣстѣ отправился въ комендантскій домъ, заранѣ воображая себѣ свиданіе съ Пугачевымъ и стараясь предугадать, чѣмъ оно кончится. Читатель легко можетъ себѣ представить, что я не былъ совершенно хладнокровенъ.

Начинало смеркаться, когда пришелъ я къ комендантскому дому. Висѣлица съ своими жертвами страшно чернѣла. Тѣло бѣдной комендантши все еще валялось подъ крыльцемъ, у котораго два казака стояли на караулѣ. Казакъ, приведшій меня, отправился про меня доложить, и, тотчасъ же возвратившись, ввелъ меня въ ту комнату, гдѣ наканунѣ такъ нѣжно прощался я съ Марьей Ивановною.

Необыкновенная картина мнѣ представилась. За столомъ, накрытымъ скатертью и установленнымъ штофами и стаканами, Пугачевъ и человекъ десять казацкихъ старшинъ сидѣли, въ шапкахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, разгоряченные виномъ, съ красными рожамъ и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранныхъ измѣнниковъ. «А, ваше благородіе!» сказалъ Пугачевъ, увидя меня. «Добро пожаловать; честь и мѣсто, милости просимъ.» Собесѣдники потѣснились. Я молча сѣлъ на краю стола. Сосѣдъ мой, молодой казакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простаго вина, до котораго я не коснулся. Съ любопытствомъ сталъ я разсматривать сборище. Пугачевъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, облокотясь на столъ и подпирая черную бороду своимъ широкимъ кулакомъ. Черты лица его, правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свирѣпаго. Онъ часто обращался къ человеку лѣтъ пятидесяти, называлъ его то графомъ, то Тимоѣенчемъ, а иногда величалъ его дядюшкою. Всѣ обходились между собою какъ товарищи и не оказывали ника-

кого особеннаго предпочтенія своему предводителю. Разговоръ шель объ утреннемъ приступѣ, объ успѣхѣхъ возмущенія и о будущихъ дѣйствіяхъ, Каждый хвасталъ, предлагалъ свои мнѣнія и свободно оспоривалъ Пугачева. И на семь-то странномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было идти къ Оренбургу: движеніе дерзкое, и которое чуть было не увѣнчалось бѣдственнымъ успѣхомъ! Походъ былъ объявленъ къ завтрашнему дню. «Ну, братцы»—сказалъ Пугачевъ—«затянемъ-ка на сонъ грядущій мою любимую пѣсенку. Чумаковъ! начинай!»—Сосѣдь мой затянулъ тонкимъ голоскомъ заунывную бурлацкую пѣсню, и всѣ подхватили хоромъ:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ доброму молодцу думу думати.
Что за утра мнѣ доброму молодцу въ допросъ идти
Передъ грознаго судью, самого Царя.
Еще станеть Государь-Царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
Еще много ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежа православный Царь,
Всее правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищъ темная ночь,
А второй мой товарищъ булатный ножъ,
А какъ третій-то товарищъ, то мой добрый конь,
А четвертой мой товарищъ, то тугой лукъ,

Что разсылщики мои, то калены стрѣлы.
Что возговорить надежа православный Царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиной.

Невозможно рассказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ и безъ того выразительнымъ — все потрясло меня какимъ-то пѣнитическимъ ужасомъ.

Гости выпили еще по стакану, встали изъ стола и простились съ Пугачевымъ. Я хотѣлъ за ними послѣдовать; но Пугачевъ сказалъ мнѣ: «Сиди; я хочу съ тобою переговорить.»—Мы остались глазъ на глазъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось обоюдное наше молчаніе. Пугачевъ смотрѣлъ на меня пристально, изрѣдка прищуривая лѣвый глазъ съ удивительнымъ выраженіемъ плутовства и насмѣшливости. Наконецъ онъ засмѣялся, и съ такою непритворной веселостію, что и я, глядя на него, сталъ смѣяться, самъ не зная чему.

«Что ваше благородіе?» сказалъ онъ мнѣ. «Струсилъ ты, признайся, когда молодцы мои накинули

тебѣ веревку на шею? Я чаю, небо съ овчинку показалось. . . . А покачался бы на перекладинѣ, если бѣ не твой слуга. Я тотчасъ узналъ стараго хрыча. Ну, думалъ ли ты, ваше благородіе, что человекъ, который вывелъ тебя къ умету, былъ самъ Великій Государь? (Тутъ онъ взялъ на себя видъ важный и таинственный.) Ты крѣпко предо мною виновать»—продолжалъ онъ; «но я помиловалъ тебя за твою добродѣтель, за то, что ты оказалъ мнѣ услугу, когда принужденъ я былъ скрываться отъ своихъ недруговъ. То ли еще увидишь! Такъ ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Общаешься ли служить мнѣ съ усердіемъ?»

Вопросъ мошеника и его дерзость показались мнѣ такъ забавны, что я не могъ не усмѣхнуться.

«Чему ты усмѣхаешься?» спросилъ онъ меня нахмурясь. «Или ты не вѣришь, что я Великій Государь? Отвѣчай прямо.»

Я смутился. Признать бродягу Государемъ былъ я не въ состояніи: это казалось мнѣ малодушіемъ непростительнымъ. Назвать его въ глаза обманщикомъ—было подвергнуть себя гибели; и то, на что былъ я готовъ подъ висѣлицею въ глазахъ всего народа и въ первомъ пылу негодованія, теперь казалось мнѣ бесполезной хвастливостію. Я колебался. Пугачевъ мрачно ждалъ моего отвѣта. Наконецъ (и еще нынѣ съ самодовольствіемъ поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во

миѣ надѣ слабостію человѣческою. Я отвѣчалъ Пугачеву: Слушай; скажу тебѣ всю правду. Разсуди, могу ли я признать въ тебѣ Государя? Ты человѣкъ смышленный: ты самъ увидѣлъ бы, что я лукавствую.

Кто-же я таковъ, по твоему разумнію?

—Богъ тебя знаетъ; но кто бы ты ни былъ, ты шутишь опасную шутку.

Пугачевъ взглянулъ на меня быстро. «Такъ ты не вѣришь»—сказалъ онъ «чтобъ я былъ Государь Петръ Ѳедоровичъ? Ну, добро. А развѣ нѣтъ удачи удалому? Развѣ въ старину Гришка Огрепьевъ не царствовалъ? Думай про меня что хочешь, а отъ меня не отставай. Какое тебѣ дѣло до инаго - прочаго? Кто ни попь, тотъ батька. Послужи миѣ вѣрой и правдою, и я тебя пожалую и въ фельдмаршалы и въ князья. Какъ ты думаешь?»

—Нѣтъ,—отвѣчалъ я съ твердостію. Я природный дворянинъ; я присягалъ Государынѣ Императрицѣ: тебѣ служить не могу. Коли ты въ самомъ дѣлѣ желаешь миѣ добра, такъ отпусти меня въ Оренбургъ.

Пугачевъ задумался. «А коли отпущу» сказалъ онъ «такъ обещаешься ли по крайней мѣрѣ противъ меня не служить?»

—Какъ могу тебѣ въ этомъ обѣцаться?—отвѣчалъ я. Самъ знаешь, не моя воля; велѣнь идти

противъ тебя—пойду, дѣлать нечего. Ты теперь самъ начальникъ; самъ требуешь повиненія отъ своихъ. На что это будетъ похоже, если я отъ службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя въ твоей власти: отпустишь меня—спасибо; казнишь—Богъ тебѣ судья; а я сказалъ тебѣ правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Такъ и быгь» сказалъ онъ, удари меня по плечу. «Казнить, такъ казнить, миловать такъ миловать. Ступай себѣ на всѣ четыре стороны и дѣлай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себѣ спать, и меня ужь дрема клонить.»

Я оставилъ Пугачева и вышелъ на улицу. Ночь была тихая и морозная. Мѣсяцъ и звѣзды ярко сіяли, освѣщая площадь и висѣлицу. Въ крѣпости все было спокойно и темно. Только въ кабацкѣ свѣтился огонь и раздавались крики запоздалыхъ гулякъ. Я взглянулъ на домъ священника. Ставни и ворота были закрыты. Казалось, все въ немъ было тихо,

Я пришелъ къ себѣ на квартиру, и нашелъ Савельича, горюющаго по моему отсутствію. Вѣсть о свободѣ моей обрадовала его несказанно. «Слава тебѣ, Владыко!» сказалъ онъ перекрестившись. «Чѣмъ свѣтъ оставимъ крѣпость и пойдемъ куда глаза глядятъ. Я тебѣ кое-что заготовилъ; покушай-ка,

батьюшка, да и почивай себя до утра, какъ у Христа за пазушкой.

Я последовалъ его совѣту, и, поужинавъ съ большимъ аппетитомъ, заснулъ на голомъ полу, утомленный душевно и физически.

